

# Виктор Смирнов

«...Как ратник молодой,  
Свинца веселый свист слышавший впервой,  
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти...»  
А.С. ПУШКИН, «Полководец»

**П**ОЧЕМУ МАРШАЛ? – спросят знатоки. – Ведь командующий 3-м Белорусским фронтом был генералом армии.

Да. В день его тяжелого ранения, еще не зная о том, М.И. Калинин подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении дважды Герою Советского Союза генералу армии И.Д. Черняховскому воинского звания Маршал Советского Союза. В газете «Красная Звезда» была уже набрана статья о новом маршале.

Статью пришлось менять на некролог, а Указ отправили в архив. Воинское звание, в отличие от награды, увы, посмертно не присваивают. Но мы можем считать: он умер маршалом. Мы знаем то, чего не знал Иван Данилович, когда прощептал любимому порученцу подполковнику Алексею Комарову: «Душа-Алеша, я умираю...»

Лет эдак двадцать с лишком назад я вместе с соавтором Игорем Болгариним собирался написать киносценарий о Черняховском. Собрал много материалов. Воспоминаний, архивных данных, малоизвестной литературы. К сожалению, я не думал тогда об историческом очерке и многие сведения не запротоколировал. Но, смею вас уверить, они достоверны. Насколько, насколько может быть достоверна человеческая память.

Тогда сценарий «не пошел». Главполитуправленец генерал Д. Волкогонов требовал создать стандартный образ «человека и коммуниста». О трагических обстоятельствах в жизни И.Д. Черняховского генерал и слушать не хотел. Набросились рецензенты.

Удивительны превращения человеческие: как только победили антикоммунисты, Д. Волкогонов поспешил расстаться с партбилетом и записался в «демократы». Стал ярким сторонником свободы слова. Ну ладно, о мертвых или ничего, или... Как бы то ни было, все материалы и наброски сценария остались в письменном столе.

И лишь теперь, познакомившись с несколькими выпусками «Досье «Гласности», я решил написать о Черняховском для этого серьезного издания. Без приукрашивания и без

стандарта. В отличие от Волкогонова я в партии не состоял и всегда сохранял чувство свободы, то есть то чувство, которое сейчас больше свойственно тем, кто остался коммунистом, чем новоявленным «демократам», сторонникам «реформ». Потому что не может быть свободы для избранных. Она одна на всех, и мы за цену не постоим.

**В** О ВРЕМЯ работы над сценарием я не раз разговаривал с председателем Госкино Украины писателем Василием Большаком. Историей войны он тоже интересовался и как-то сказал, что хочет сделать мне подарок. Он дал листочек с именем, адресом и телефоном.

Это действительно был царский подарок. На листке было записано имя женщины, которую любил Иван Данилович, которая сопровождала его на фронте.

«Фронтальная любовь». Как и всякая любовь, она может быть мимолетной, даже пошлой («война все спешит»), и может быть очень серьезной, трагичной. Иногда она перерождает всю жизнь. «Но поздний жар уж не остынет, и с жизнью лишь его покинет». Это Александр Сергеевич написал. Он в любви разбирался.

Иногда эти любимые фронтовые женщины становятся ординарцами. Как это было у Филиппа Миронова, командира Второй Конной. Или у генерала Слащева, более известного нам по фильму «Бег» как Хлудов, литературный персонаж Михаила Булгакова. Подруга Слащева Нина Нечволодова, которую в армии звали «юнкер Нечволодов», была дважды ранена, сопровождая любимого даже на поле боя.

Известны близкие отношения между маршалом Константином Рокоссовским и актрисой Валентиной Серовой. Кстати, «наверху» знали о подобных романах и относились к ним, вопреки мнению о партийных руководителях эпохи Сталина как узколобых моралистах, с пониманием. Известен анекдот, основанный на действительном разговоре. Сталину доложили о фронтовом увлечении полковника. «Что делать с ним, товарищ Сталин?» – спросили у него. Сталин долго молчал, покуривая трубку. «Завидовать», – ответил наконец.

Генсек умел выражаться кратко. Не так давно одна популярнейшая газета опубликовала залихватское «исследование» на тему ППЖ (походно-полевых жен), вульгарное, с хихоньками и хахоньками насчет «фронтального секса». Автором, как ни прискорбно, была молодая журналистка, которая не пожалела свою сестру ради красного клубничного словца.

Черняховский, как и Рокоссовский, любил жену, детей. Женился он рано и по страстной любви. Это чувство к Асенке, Анастасии Григорьевне, сохранялось в нем всегда.

Но война... Чего не делает война. На фронте жизнь не похожа ни на какую другую, когда нервы, чувства, мысли, все обострено до предела, когда ощущение краткости, мгновенности собственного существования превращает каждый миг в вечность.

Он полюбил, да. И сильно. Вы спросите, что же мне рассказывала фронтовая любовь Ивана Даниловича, коротавшая свой век у Речного вокзала в Москве? Ничего. Я просто не стал звонить и являться с рекомендациями. Я не журналист и мне не свойственна профессиональная беззащитность. Желание заглянуть в чью-то постель. Пусть и остывшую. Я и так уже знал достаточно. К чему касаться того, что составляет глубочайшую тайну двух человек, где не все может быть высказано и объяснено? К чему трогать переболевшее и будить старые печали?

Пусть наша, советская леди Гамильтон живет спокойно, подумал я. Вмешавшись, я приобрету не только знание того, что было скрыто, но и ответственность, обязанность. Наверное, в наши дни такие сомнения кажутся смешными. Сейчас обо многом пишут с такой степенью откровенности, что и читать-то стыдно, не то что писать. Ладно, я человек старых взглядов. Не осуждаю «новации» – удивляюсь.

**Ж**ИЗНЬ Ивана Черняховского нередко называли взлетом. Действительно, внешне его военная карьера кажется стремительной, лишенной сучка-задоринки. Внешне. Внутри каждого этапа его биографии мы обнаружим то, что на языке драматургов называется «интригой», а в реальной жизни является потрясением, пробой на излом, или, если угодно, мукой. Хотя банальные интриги в судьбе Черняховского тоже сыграли свою роль.

Черняховский родился на Украине под Уманью в благословенных местах, а детство его прошло чуть западнее, близ славного города Тульчина, где соловьиными ночами, давно-давно, декабрист Пестель вынашивал планы перестройки России.

Родители Ивана были людьми незнатными, но в округе известными. Мать, Мария Львовна, польского происхождения, служила горничной у пана Новинского, местного латифундиста, а отец, украинец Данила Николаевич, у того же пана исправлял должность коноха и кучера. Известны же они были своей красотой. Усатый, смуглолицый и кучерявый богатырь Данила пришелся хорошей парой Марысе, на которую приезжали посмотреть жители окрестных сел. Кто хочет подробностей про красу Марыси, читайте Гоголя.

Жили они в латифундии не то чтоб хорошо, но и не плохо.

В 1914-ом Данила ушел на войну в армию Брусилова и, получив контузию, вернулся через два года. А тут и 1917-ый пришел, не запоздал. Керенский объявил большую демократическую перестройку и, так как телевидения не было, стал разъезжать повсюду в своем полуголовном френче и обещать прогресс и гражданские свободы.

Вслед за Керенским явились потрясения, голод и тиф. Родители Ивана почти в одночасье умерли. Всех пятерых детей забрал сосед, машинист Цешковский – «доглядать», то есть присматривать за ними. С одним условием: на кормежку они должны зарабатывать, сколько смогут. Конечно, это не касалось младшей, Настеньки, которая родилась в 1915-ом (отметьте этот факт про себя, пригодится).

# ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ



# МАРШАЛА

Некоторое время малолетний Черняховский, как говорят на Украине, босяковал. Бродяжничал. Потом стал учеником у бондаря (вот так же, десятью годами ранее, Георгий Жуков начал свою рабочую жизнь учеником скорняка).

Вскоре Ваня сам научился делать бочки и стал зарабатывать на кусок хлеба с салом. Но эта профессия его не устраивала. Иван был натурой мятушейей, ищущей.

Выучился на шофера и доказал, что ему можно доверить машину. Шофер в то время – рабочая аристократия, кумир земляков. Учитывая замечательные технические познания Черняховского, его после призыва в Красную Армию отправили в Одесскую пехотную школу учиться на младшего командира. Призыв проходил не просто. В 20-е годы все парубки рвались в армию. Существовал конкурс, который Иван Данилович прошел не сразу по причине неожиданно открывшегося плоскостопия. Но – пробился!

Из Одесской школы – в Киевскую артиллерийскую. Более высокая ступень. Способный, стало быть, был парень. Два брата Черняховского тоже пошли в военные.

**С**КОЛЬКИХ молодых людей выводила в люди Красная Армия! В те годы в ней господствовали принципы, сформулированные гражданским лицом, педагогом Макаренко. Там не только гоняли, там воспитывали. О дедовщине не было и речи. Красных командиров тем более готовили всерьез. Даже младших.

Сколько я встречал в жизни этих бывших взводных, ставших военачальниками. Судьба свела меня с маршалом Покрышкиным, бывшим учеником кровельщика. У Александра Ивановича жизненная линия повторяет линию Черняховского. Только у Александра Ивановича эта линия высоко, как инверсионный след, в небе, а у Черняховского на земле, среди стали и мазута.

Удивительный это был народ, наши красные взводные. Храню у себя множество книг, военных мемуаров. Жесткие требования Воениздата вытеснили на их страницах все мало-мальски живое. Ура-конфетная литература. Но фотографии! Но лица! Здесь не отредактируешь.

Когда тяжело становится на душе, берешь такую книгу и смотришь на лица, на петлички разных цветов, на прямоугольнички («шпалы») капитанов и майоров, на квадратники («кубари») лейтенантов, на треугольнички младшего состава. Что за народ... Ясный, простой, с печатью жизненного опыта, смешанного с романтической наивностью. Эти помогут. Эти

Виктор Смирнов – прозаик, киносценарист, заслуженный деятель искусств Украины, лауреат Госпремии России, автор сценариев фильмов «Обратной дороги нет», «Приваловские миллионы», «Секретный фарватер», «Дума о Ковлаке», «Тревожный месяц вересень» и др. Читатели «Гласности» знают его как автора «Страничек из записных книжек»